

«Утверждаю»
директор Санкт-Петербургского
института истории РАН
член-корреспондент РАН
д. и. н. А. В. Сиренов



Отзыв
ведущей организации — Федерального государственного
бюджетного учреждения науки
«Санкт-Петербургский институт истории РАН»
на диссертацию Орленко Сергея Павловича
«Оружейная палата XVII века
(ресурсы, организация, основные направления деятельности)»,
представленную на соискание ученой степени доктора исторических
наук по специальности 5.6.1. — Отечественная история

Актуальность представленной диссертации несомненна. Исследование С. П. Орленко является фундаментальным исследованием одного из важнейших приказов XVII века — Оружейной палаты. Автор мобилизовал солидный массив архивных источников, в значительной степени впервые вводимых в научный оборот. На более тысячи страниц содержательного исследовательского текста С. П. Орленко детально и многосторонне изучил состав, деятельность, функционирование и значение Оружейной палаты на протяжении XVII века.

В первой главе собраны и проанализированы сведения о помещениях, государственных Оружейной палате. Эти ценные сведения расширяют наши представления по истории царского дворца и иных кремлевских

зданий. Отдельный очерк посвящен бывшему двору боярина Ильи Даниловича Милославского, ставшего затем царским Потешным двором. Можно порекомендовать учесть известный в литературе факт: на этом дворе в 1677 г. были построены деревянные хоромы царя Федора Алексеевича (Седов П. В. Деревянные хоромы царей Алексея Михайловича и Федора Алексеевича // Петербургский исторический журнал. 2021. №. 4. С. 25–26), что принципиально меняет статус и функционирование этой части дворца в тот период.

Вторая глава посвящена мастерам Оружейной палаты. Этот обширный раздел диссертации написан с особой тщательностью. Проанализированы собранные автором многочисленные сведения о комплектовании и численности мастеров Оружейной палаты, отдельно рассмотрены западноевропейские, «польские» и восточные мастера, ученики и сам институт ученичества.

В третьей главе изучен административный и вспомогательный состав Оружейной палаты: от дьяков и подьячих до сторожей, истопников, приставов и целовальников, которым посвящены отдельные разделы. Однако странным образом автор не проанализировал главный чин Оружейной палаты — его руководителей. В диссертации встречаем замечания и наблюдения об их роли (С. 161–162, 165, 270, 278, 408–409, 415, 418, 424, 503, 636, 979), но эти разновременные и несистематические сведения не дают цельного представления об этой придворной должности. Как известно не все руководители Оружейной палаты XVII в. имели чин оружничего. Этот чин присваивался тем приказным судьям палаты, которые принадлежали к узкому кругу наиболее доверенных комнатных людей, входившим в Ближнюю думу. Существует возможность сравнить особенности чина оружничих XVI в. (статья об этом О. Г. Ульянова 2010 г. упомянута в списке использованной литературы) и значение оружничих XVII в., о которых до сих пор нет специального исследования. По наблюдениям О. Г. Ульянова

оружничие XVI столетия имели военный опыт и даже одновременно могли исполнять некоторые дипломатические поручения. Обладатели этого чина в XVII веке, особенно во второй половине столетия, были людьми, возвысившимися преимущественно службой в Царской комнате (через чины «в Комнате у крюка», царского спальника, стольника царевича, стряпчего с ключом, казначея, постельничего). Этот факт подчеркивает возрастание роли придворной службы. Следует иметь также ввиду, что значение оружничего XVII в. далеко выходило за рамки рутинного руководства Оружейной палатой. Как ближайший комнатный человек он мог неделями находиться с царем в загородных резиденциях, управляя вверенным учреждением из царского похода. Частые совещания с царем в составе Ближней думы для решения важнейших государственных дел по необходимости отвлекали оружничих XVII в. от повседневного управления Оружейной палатой. В 1664–1680 годах боярин и оружничий Б. М. Хитрово имел еще и чин дворецкого с путем, то есть совмещал свои обязанности с руководством приказа Большого дворца и таким образом был еще более отвлечен от дел Оружейной палаты. Достоин удивления как в этих условиях Б. М. Хитрово успевал делать многочисленные распоряжения по делам оружейного ведомства. Полагаем, что самостоятельный раздел о руководителях Оружейной палаты не только как о ее судьях, но и как о выдающихся царедворцах, украсил бы данную диссертацию.

В той же главе есть раздел о шляхте в Оружейной палате. Внимание автора привлек необычный служащий при Оружейной палате — Михаил Петров сына Колдычевский, которому было указано служить объезжим головой в подчиненных палате слободах (С. 605–614). Этот ценный биографический очерк можно добавить новыми сведениями: 4 декабря 1671 г. он был пожалован в чин иноземца Государева двора и служил в этом чине до 1677/1678 г. (РГАДА. Ф. 210. Боярские списки. № 10. Л. 127; № 15. Л. 221).

В четвертой главе «Финансы и социальная политика ведомства» детально изучена материальная сторона содержания мастеров Оружейной палаты. Автору удалось установить не только окладное жалование работающих в палате мастеров, но и возможности получения дополнительного дохода на дому. В диссертации также выявлены способы прощрения за хорошую работу и наказания для нерадивых и пьющих, а также меры руководства Оружейной палаты для защиты подведомственных служащих и мастеров во время кризисных лет хождения медных денег.

Особо необходимо отметить пятую главу «Оружейная палата, вооруженные силы и придворный церемониал». С. П. Орленко, признанный специалист по истории оружия, мастерски соединил письменные сведения об изготовлении для царского двора доспехов, мечей, щитов с изучением самих образцов такого оружия, сохранившихся до наших дней. Автор приходит к обоснованному выводу о том, что в 1650-е годы парадное оружие и снаряжение создавалось в Оружейной палате под сильным восточным влиянием (с. 898–899).

Весьма удачным представляется раздел этой главы, посвященный появлению мечей в придворном церемониале царского двора. Во второй половине XVII в. они заменяют топоры у рынд, стоявших за царским тронном, и становятся одним из символов грозной власти русских самодержцев. Автор обоснованно связал этот новый символ власти с расправой над стрельцами в 1698–1699 гг.: накануне казней А. Д. Меншиков ездил по Москве и демонстративно показывал народу меч, а затем царь собственноручно сек головы стрельцам не топором, как обычно, а именно мечом. Приведенное в этой связи свидетельство секретаря имперского посольства И.-Г. Корба требует авторского комментария и уточнения: когда Петр рубил головы восьмидесяти стрельцам, «боярин Плещеев приподнимал их за волосы, чтобы удар был вернее». В действительности боярин М. Л.

Плещеев умер в 1683 г., и после никого из представителей этого рода в думных чинах не было.

С. П. Орленко удалось в деталях проследить практику использования крылий и змей для конных людей во время встреч иностранных послов. Последние нововведения производили сильное впечатление на послов и тем самым служили целям выгодной презентации царского двора в глазах соседних государств.

Представленная диссертация является существенным вкладом в изучение практики приказного управления, оружейного дела, придворной жизни XVII века.

Вместе с тем жанр отзыва предписывает сделать некоторые замечания. В рукописи диссертации и автореферате не вполне четко разделены объект и предмет исследования. Автор понимает в данном случае объект как «организацию деятельности Оружейной палаты (Оружейного приказа) XVII в. Ресурсы ведомства (помещения, кадры, финансирование) а также комплекс мер (административных, кадровых, финансовых, производственных) принимаемых руководством (так в тексте) ведомства по организации эффективной работы в различных, в том числе и неблагоприятных условиях». Предмет исследования сформулирован следующим образом: «организационные мероприятия, стратегии и конкретные шаги руководителей Оружейной палаты направленные на обеспечение и развитие основных направления (так в тексте) деятельности ведомства и отображенные в делопроизводственной документации учреждения» (с. 29). Полагаем, что между «организацией деятельности» и «организационными мероприятиями» нет принципиального отличия; уточнение, что в первом случае имеются ввиду помещения, кадры, финансирование, а также комплекс административных, кадровых и производственных мер, а во втором — стратегии и конкретные шаги, лишь подчеркивает, что речь идет почти об одном и том же.

Автор постулирует, что он следует принципу «объективности» исследования (с. 33). Такое утверждение нередко можно встретить в диссертационных сочинениях. Полагаем, что объективность неподвластна историку: разумнее стремиться к всесторонности подходов к предмету, соблюдению исследовательских, в том числе и источниковедческих, процедур, учету различных точек зрения. Полагаем, что профессиональный читатель исторического сочинения, скорее, станет искать не заявлений об авторской «объективности», а именно авторскую интерпретацию исторических явлений, соревнование таких разных подходов и составляет сущность историографического процесса.

В заключении С. П. Орленко повторяет выводы и наблюдения по главам, что для диссертационного исследования не всегда рационально. Предпочтительно, когда итоговые выводы автора анализируют результаты исследования в более широком контексте или на ином уровне обобщения.

Такая возможность открывается, если наблюдения данного многоаспектного исследования анализировать как часть проблемы формирования придворного общества в России XVII в. Процесс формирования придворного общества при первых Романовых, особенно заметный во второй половине XVII в., определял специфику эволюции самодержавия того периода. В ходе Смуты, а затем в последующие десятилетия с нарастающим темпом на столичную службу переходили верхи городских корпораций. К концу XVII в. без малого пятая часть служилых людей «по отчеству» уже была записана в московские чины. Государев двор составлял ближайшую опору трона и согласно царской воле реализовал себя не только на административной и военной службе, но и в придворных церемониях. Несколько разделов диссертации детально анализируют роль Оружейной палаты в организации подобных церемоний, что является несомненным достижением автора. Значение таких наблюдений определенно выиграло бы, если их проанализировать в рамках такой проблематики.

В списке использованной литературы указана монография П. В. Седова, хотя на нее нет ссылок в тексте диссертации. Можно порекомендовать автору учесть сведения этого исследования, имеющие непосредственное отношение к деятельности Оружейной палаты. Например, в 1678 г. «цесарские земли иноземец» К. Ф. Нордерман пообещал кравчему кн. В. Ф. Одоевскому, ставшему оружничим два года спустя, перевооружить русскую армию новыми «ружьями», которые будто бы могли позволить одолеть неприятеля, вдесятеро превосходящего в силах. Из Оружейной палаты иноземцу выдали 100 мушкетных стволов для пробных стрельб. По-видимому, эта затея не убедила московские власти в эффективности подобных мушкетов, и Россия продолжила закупать огнестрельное оружие за рубежом (Седов П. В. Закат Московского царства. С. 322).

При анализе источников материального содержания служащих Оружейной палаты С. П. Орленко чаще всего справедливо использует термин «жалование». Но иногда синонимично к этому слову использовано и выражение «заработная плата» (с. 547, 659, 662–664, 667–670, 673, 677, 679, 1053), что для истории допетровской России не вполне корректно.

Текст автореферата соответствует содержанию диссертации и отвечает требованиям, предъявляемым ВАК к данной форме работы. Основные идеи и результаты диссертационного исследования отражены в опубликованных диссертантом монографии и 18 научных статьях, входящих в перечень рецензируемых научных изданий ВАК.

Высказанные замечания не меняют общего положительного впечатления о диссертации: она представляет собой самостоятельное и завершённое научное исследование, соответствует паспорту научной специальности 5.6.1. — Отечественная история, отвечает требованиям пп. 9–11, 13–14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденным Правительством Российской Федерации от 24.09.2013 № 842, а ее автор

Сергей Павлович Орленко заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.1. — Отечественная история.

Текст отзыва составлен Седовым Павлом Владимировичем, доктором исторических наук, ведущим научным сотрудником отдела средневековой истории России Санкт-Петербургского института истории РАН, обсужден и утвержден на заседании отдела средневековей истории России 9 апреля 2026 г., протокол № 2.

Заведующий отделом средневековой
истории России Санкт-Петербургского
института истории РАН,
доктор исторических наук

Н. В. Башнин

Сведения о ведущей организации:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Санкт-Петербургский институт истории РАН» (СПбИИ РАН)

Российская Федерация, 197110, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская,

д. 7.

Телефон: (812) 235-41-^^

Адрес официального с:

E-mail: secretary@spbii

